

Олег ГУБАРЬ

Нечто о порто-франко в Одессе

МИФЫ И РЕАЛИИ

ИДЕОЛОГ

Мало кто знает, что предложение учредить в Одессе порто-франко датируется еще 1798 годом, то есть относится к младенчеству города. Идеологом выступил довольно занятый человек — попечитель принимавшихся здесь средиземноморских переселенцев Афанасий Кесоглу. О нем по сию пору ходит множество курьезных маловероятных историй: к примеру, о том, что его будто бы насильно обратили в мусульманство или, скажем, что он намеревался наладить в Одессе чеканку фальшивой турецкой монеты, участвовал в небезызвестной отправке императору Павлу "взятки" в 3000 померанцев, о непомерном казнокрадстве и проч.

Можно, конечно, скептически рассмеяться. Скажем, апельсины отправлены к Высочайшему Двору 8 февраля 1800 года, а наш герой ушел из жизни 6 января 1799-го. Чего уж говорить о чеканке монеты там, где еще не было возможности изготовить даже обыкновенный гвоздь. Относительно же обращения в магометанскую веру ситуация и вовсе анекдотическая: Кесоглу многие годы хорошо знала не только греческая элита из константинопольских фанариотов, из Архипелага, Молдавии и Валахии, но и высшие российские чиновники, включая видных дипломатов. Ему доверяли сама императрица Екатерина, сам граф Зубов. Он состоял в российской службе, имея далеко не последний чин VIII класса, а затем был поощрен VII-м (под конец жизни, возможно, и VI-м, так как в отдельных случаях его называют полковником, а вдову полковницей). Нас что же, хотят уверить в том, что ответственнейшую задачу переселения единоверцев поручили сомнительному прозелиту? Курьез, да и только.

Как бы то ни было, но, будучи первым (главным из четырех) бургомистром города, он обратился с ходатайством к монарху Павлу I через генерал-прокурора князя Алексея

Куракина. Прошение включало, как нынче принято говорить, пакет законодательных инициатив. Кесоглу просил: 1) передать питейный откуп и поступления от него в ведение Магистрата; 2) подтвердить льготы, дарованные иностранным поселенцам екатеринским указом от 15 апреля 1795 года; 3) даровать Одессе статус порто-франко; 4) учредить банк, ссужающий предпринимателей под залог недвижимости и товаров; 5) передать городу один из казенных домов для размещения в нем Магистрата и полиции; 6) даровать Одессе герб. Последний пункт на самом деле чрезвычайно важен, он означает, что едва народившийся город как бы легализуется, что теперь его невозможно будет походя потерять, зачеркнуть. В целом же предложения Кесоглу характеризуют его как талантливый, прозорливый, энергичного деятеля государственного масштаба.

Более того: это была стратегическая программа, шаг за шагом решавшаяся городской и краевой администрациями на протяжении следующих десятилетий. Если ходатайства Кесоглу повлекли за собой лишь дарование герба, доходов от винного откупа и одного казенного дома, то при Ришелье был учрежден заемный банк, а при Ланжероне оформлен статус порто-франко. Кстати, Магистрату Одессы в 1798 году официально не отказали и в других просьбах, но оставили некоторые временно без рассмотрения, а иные предположили к дальнейшему исполнению. Таким образом, Кесоглу безо всякого преувеличения справедливо считать одним из первых идеологов одесского проекта.

"РЕАЛИЗАТОРЫ"

Как справедливо замечает авторитетный историк А.И. Третьяк, Дюк Ришелье был большим сторонником введения в Одессе системы порто-франко. Однако существовало немало препятствий, в том числе — негативный опыт Феодосии и всего Крымского полуострова в эпоху Павла I. Однако уже в 1806 г. гер-

цог решил вопрос беспошлинного складирования товаров в одесском порту на срок до двух лет (казенные склады для этого, правда, так и не были построены), а кроме того, необлагаемых налогом транзитных товаров. Военные кампании и чумная эпидемия также затруднили решение вопроса, но когда Ришелье возглавил французское правительство, то сумел убедить вполне доверявшего ему императора Александра I в обоюдной пользе учреждения порто-франко.

Манифест от 16 апреля 1817 г. жаловал Одессе статус порто-франко ("свободной гавани") на 30 лет. Впоследствии это дело пролонгировали. Сама черта обустроилась под началом преемника Ришелье — графа Ланжерона. В строй она вступила 15 августа 1819 г., причем опоясывала все градоначальство (36 км). Две таможни, 17 караульных будок, немногочисленные штатные объездчики, ров шириной в три метра и глубиной в два десятилетия не смогли сдержать поток контрабанды. Черта, обошедшаяся в 150 тысяч рублей (солидная по тем временам сумма), оказалась явно неэффективной. 14 мая 1823 года, как раз в пушкинское время, ввели в строй новую, сильно укороченную границу порто-франко, охватывавшую собственно город. Но и тут дали маху, поскольку жители предместий теперь сильно затруднились с вывозом через таможенные заставы повседневных продуктов и припасов с одесских рынков. Начались затруднения с доставкой питьевой воды из Водяной балки, поскольку бочковая тара подвергалась досмотру. А лишенная естественных источников водоснабжения Одесса тогда особенно страдала от жажды.

КАТАКОМБЫ?

Легенды весьма произвольно сообщают об интенсивном использовании катакомб для контрабанды через вторую — укороченную — черту порто-франко. С этой целью контрабандисты якобы пользовались взве-

стняковыми штольнями, пролегающими от города к почти примыкающей Молдаванской Слободке. Это маловероятно, ибо известняки залегают на значительной глубине. Подобные предания обусловлены тем, что вторую черту порто-франко маркирует нынешняя улица Старопортофранковская, и дилетанты полагают: для нелегального выхода под эту границу следовало всего-навсего прокопать коридор в материковом лессе от четной стороны к нечетной. На самом же деле четная сторона будущей улицы в ту пору вообще не застраивалась, и "полоса отчуждения" была довольно широка. Что касается катакомб, они служили местом хранения контрабандных и корчемных товаров, "схронами" для разного рода нелегалов, возможно, использовались морскими контрабандистами, о которых впоследствии так рельефно написал Багрицкий.

ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Негативный опыт все же пошел впрок, тем более что подытоживался он уже под эгидой столь же просвещенного, сколь и рационального, настойчивого руководителя — графа Воронцова. С этой целью в Одессу привлеклись и столичные специалисты. Проект утвердили в начале 1826 г., а функционировала новая граница порто-франко с 1 июля 1827 г. Черта включала ближайшие пригороды — Молдаванку, Пересыпь, Ближние и Дальние Мельницы, Малый Фонтан и часть Среднего Фонтана (16 км). Устроили две таможни, две въездные заставы, 12 караулен, два дублирующих друг друга рва. С контрабандистами, по большому счету, справлялись. Черта эта просуществовала до 18 апреля 1858 г.

БЕСПОШЛИННАЯ?

Везде и повсюду говорят о том, что порто-франко в Одессе — это беспошлинная торговля. Чуть собачья. Каким образом мог существовать город, лишенный основного дохода? На какие шиши пополнять бюджет, строить и расширять порт? Другое дело, что пошлина эта была здесь значительно ниже, чем в портах с традиционным таможенным режимом: сперва 1/5, а затем 2/5 обычной.

ПАНАЦЕЯ?

Надо отдавать себе отчет в том, что порто-франко — не панацея, а оперативный инструмент. На этапе активного фритредерства, в определенную эпоху эта система сыграла заметную роль в позитивной эволюции юной Одессы. Однако были и другие факторы, способствовавшие экономическому росту города, ведь он более чем активно рос и до учреждения порто-франко. Свою роль сыграли, например, устройство первого в империи коммерческого суда, коммерческих и этнических учебных заведений, мощное материальное и гуманитарное инвестирование, наращивание кредитно-банковского и страхового дел, упадок европейского сельскохозяйственного производства после изнурительных наполеоновских войн и проч. Позднее, в особенности — после несчастливой Крымской кампании, система порто-франко становилась серьезным тормозом в дальнейшем развитии города, прежде всего — местной промышленности. Действительно, при досмотре на таможне невозможно было четко контролировать здешнее или привозное производство изделия, да и сырья. Конкурировать же с привозными товарами — дешевыми и качественными — становилось крайне трудно. Подчеркну, что сами одесситы еще в 1856 г. ходатайствовали перед правительством о необходимости свернуть порто-франко как анахронизм, но тогда верхи продлили систему на два года (по той причине, что некоторые купцы имели в городе большие запасы колониальных товаров). И после такового свертывания Одесса вовсе не погибла, а, напротив, продолжала расти, хотя лишилась некоторых иллюзий — скажем, распрощалась с короной мирового хлебного экспортера. Гонор, правда, сохранила навсегда.

Легенда о решающем для Одессы значении порто-франко невероятно живуча. Когда сегодня заводят бойкие речи о необходимости возврата к сказанной практике, надо задать вопрос: а что мы, собственно говоря, станем активно вывозить, что на что будем менять? И надо найти корректный ответ — чтобы не выгляделось посмешищем в глазах зарубежных политиков, экономистов, бизнесменов.

